

18+

Юрий
Буйда

Пятое царство

Роман

*Лауреат
премии*

БОЛЬШАЯ
КНИГА

Новая русская классика

Юрий Буйда
Пятое царство

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буйда Ю. В.

Пятое царство / Ю. В. Буйда — «АСТ», 2018 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-17-107785-3

Юрий Буйда – прозаик, автор романов «Вор, шпион и убийца» (премия «Большая книга»), «Синяя кровь», «Ермо», «Прусская невеста» (шорт-лист премии «Русский Букер») и др. Его книги выходят во Франции, Великобритании, Эстонии, Польше, Венгрии, Словакии, Норвегии и других странах. «Пятое царство» – захватывающая, душеполезная, поучительная и забавная история в двенадцати главах – по числу врат Града Небесного, – в которой участвуют тайные агенты Кремля, шотландские гвардейцы, ожившие мертвецы, иностранные шпионы, прекрасные женщины, наемные убийцы, алхимики, вольнодумцы, цари, монахи, вампиры, бояре, бастарды, воздухоплаватели, пьяные ведьмы, а также одна мраморная Венера и одно великое дерево.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107785-3

© Буйда Ю. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог о младенце, палаче и слоне	6
Врата первые,	11
Врата вторые,	22
Врата третьи,	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юрий Буйда

Пятое царство

© Юрий Буйда

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Пятое царство

Захватывающая, душеполезная, поучительная и забавная история в двенадцати главах – по числу врат Града Небесного – о борьбе добра со злом, о любви и ненависти, о магии и астрологии, о желтой крови, загадочных монетах и мертвой царевне, в которой участвуют тайные агенты Кремля, шотландские гвардейцы, призраки, ожившие мертвецы, иностранные шпионы, алхимики, прекрасные женичины, чудовища, гомункулы, вольнодумцы, цари, монахи, вампиры, наемные убийцы, бояре, бастарды, воздухоплаватели, пьяные ведьмы, а также одна мраморная Венера, одна голая свинья в юбочке и одно великое дерево

Пролог о младенце, палаче и слоне

Ребенка повесили в понедельник, палача – в четверг, а слона казнили в субботу.

Была метель, начинало темнеть, и, когда слон появился из Серпуховских ворот, зрители не сразу поняли, что это за чудовище движется к ним, огромное и темное, в окружении всадников с факелами и пеших солдат с копьями и алебардами. Когда слон приблизился, стало видно, что спина и уши его облеплены снегом, в складках под глазами замерзли слёзы, а левый бивень сломан. Его хобот покорно лежал на плече араба, который вел зверя к загону, выстроенному посреди пустыря, неподалеку от кладбища, где хоронили безымянных пьяниц.

Артиллеристы зажгли фитили и опустили на колено у пушек, выставленных на тот случай, если зверь вздумает напасть на людей, сгрудившихся у загона. Но слон проследовал в загон спокойно, не глядя по сторонам, и замер, уткнувшись в стену.

– Элефант, – пробормотал кто-то из голландских купцов.

Когда-то его кормили рисом, медом и печеным хлебом, и каждый день давали ему ведро водки. Когда-то его каждый день скребли и мыли, чтобы слоновья кожа оставалась белоснежной. Вечерами араб услаждал слух элефанта игрой на свирели, а летом выводил его к реке на прогулку. Слон плыл сквозь толпу, мальчишки свистели, старухи крестились, юродивые завывали, показывали кукиш и корчились в пыли, а элефант величественно шествовал, положив хобот на плечо араба и помаргивая детскими глазами, и всем хотелось, чтобы он встал на задние ноги, поднял хобот к небесам и вострубил, вострубил, и стало бы страшно и сладко...

Но слон не обращал внимания на москвичей, на их крики и ужимки. И лишь иногда он вдруг придерживал шаг и наваливал кучу, вокруг которой тотчас собирались торговцы, колдуны и бродячие монахи. Одни утверждали, что дерьмо элефанта по своим целительным свойствам не уступает навозу единорога, тогда как другие выше всего ставили помет Левиафана, зверя из бездны. Ржали лошади, ревели верблюды, скоморохи били в бубны, цирюльники люто щелкали ножницами, у Свибловой башни вороны наперебой клевали трупы разбойников, а слон величественно шествовал дальше, невозмутимый, белоснежный, несравненный, как Бог или царь...

Слонов было два, черный и белый. Их подарил Ивану Грозному персидский шах Тахмасп. Но черный слон отказался преклонять колени перед московским государем, и был за это изрублен в лохмотья мясницким топором – это сделал немец-опричник Штаден. Белый же оказался послушнее – и остался в живых. Он пережил грозного царя, его сына Федора, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского – великие бунты и великие пожары, заговоры и смерти – и дотянул до царствования Михаила, первого государя из рода Романовых. Теперь он был стар, болен и тощ, и смерть была бы для него милосердным избавлением от страданий.

Люди забыли о белом элефанте, хотя всего восемь лет назад он был героем и любимцем толпы. Мало кто помнил день его славы.

А слава его случилась весной, 3 мая 1606 года, когда в Москву въехала Марина Мнишек, невеста царя и самодержца всея Руси Дмитрия, императора и самозванца.

Третий Рим встретил ее звоном тысячи колоколов, пушечными залпами, грохотом барабанов, ревом труб и лязганьем литавр... карета с золочеными колесами... князья, бояре, ханы, мурзы, патриарх со свитой, дворяне и монахи, купцы и воры... французские копейщики в бархатных плащах с золотыми позументами, шотландские алебардчики в фиолетовых кафтанах, немецкие артиллеристы в зеленом и красном, польские гусары в сверкающей стали, русские стрельцы в лазоревом, алом и травчатом, казаки и гайдуки, татары и кабардинцы... знамена и хоругви... мушкеты и пики... соболя, сукна, шелк, рогожа, сурьма и румяна, серебряные гербы и медные серьги... тысячи голубей в небе, львы и тигры, ревущие во рвах...

Праздничное возбуждение достигло высшей точки, когда процессия миновала Никитские ворота и приблизилась к Львиному мосту... люди уже начинали задыхаться... некоторые не могли сдерживать слез... молодая женщина в ярко-желтом платке упала в обморок, и ее вынесли на руках из толпы... напряжение усиливалось, нарастало, становилось невыносимым, и если бы вдруг разразилась гроза, никто не удивился бы... гром, молния, ливень, крики ужаса и радости... но вместо этого налетел ветер... вихрь... он взметнул пыль и сор, ударил в лица, понес песок и пыль вдоль улицы... стало темно... мрак проник в сердца людей, вдруг вспомнивших о том, что точно такой же вихрь пал на Москву, когда в прошлом году в город вступил Дмитрий Самозванец... это был *malum omen*, дурной знак...

И вдруг, так же внезапно как налетел, ветер стих, наступила тишина, и посреди опустевшей улицы возник белоснежный слон... люди не верили своим глазам... это было как во сне... элевант как будто выпал из вихря... он поднялся на задних ногах, вскинул хобот и вострубил, вострубил, и этот звук показался людям гласом Божьим, голосом, призывавшим к радости и любви... а потом слон грациозно опустилсЯ на колени и поднес Марине Мнишек кубок с вином, держа его хоботом как рукой...

Маленькая, безгрудая, с хищным и черствым лисьим лицом, тонкогубая и мелкозубая, с голубоватой детской шеей, едва выдерживающей тяжесть высокой прически из конского волоса, закованная в стальной испанский корсет, испуганная, растерянная и злая, Марина с ужасом смотрела на белоснежного зверя, стоявшего на коленях и взиравшего на нее детскими глазами.

А рядом с нею замер царь Дмитрий – низкорослый, широкоплечий, безбородый и безусый, с двумя чудовищными бородавками на лице, с маленькими глазами, без шеи, с руками как медвежьи лапы.

Все ждали.

Пауза затягивалась.

И вдруг Дмитрий встряхнулся, с облегчением выдохнул, взял у элеванта кубок и воскликнул высоким срывающимся голосом:

– Слава! Слава!

Внезапно ударила пушка, другая, закричали рожки, прорезалась флейта, зарокотали турецкие барабаны... и тут вдруг слон пустился в пляс... он вскидывал хобот, сворачивал его кольцом и фыркал... он вставал на задние ноги и трубил... он переминался с ноги на ногу и широко разевал свою пороссячью пасть, словно улыбаясь... снова поднимался на задние ноги и кружился, кружился... люди очнулись, перевели дух, зашевелились, загомонили...

– Слава! – снова крикнул Дмитрий.

– Слава! – откликнулся кто-то из стрельцов.

– Слава! – радостно закричала толпа. – Слава!

И снова запылала небесная синь, и снова залились малиновым звоном колокола, и снова Марина была первой красавицей на свете, румяной и пышной, как само счастье, а Дмитрий – великаном, красавцем, могучим государем, рыцарем, владыкой и повелителем языков и сердец...

Подбежавший араб что-то крикнул, слон взмахнул ушами и направился к Львиному мосту, и за ним под звуки колоколов и варварской музыки двинулись кареты, конница, пехота, потянулся народ...

Тем вечером люди чествовали слона.

Они поили его медом и водкой, кричали: «Слава!», и белоснежный элевант вставал на задние ноги и радостно трубил, и все его любили...

Это случилось восемь лет назад. Через пять дней, 8 мая 1606 года, Дмитрий и Марина обвенчались. Спустя еще девять дней Самозванца убили и выстрелили его прахом из пушки, щуплая же Марина чудом спаслась, спрятавшись под широкой юбкой своей фрейлины.

А хмельной слон той ночью крепко спал в царской конюшне.

Он знал, что утром его будет ждать сытный завтрак – корзина калачей, рис, патока и водка. После этого араб отведет его к реке, чтобы слон мог искупаться.

Слон улыбался во сне.

Он не слышал ни набата, ни криков, ни выстрелов, и не видел, как заговорщики убили Дмитрия, а потом выволокли его нагое тело на площадь и оставили на поругание толпы.

Близился рассвет.

Элефант спал.

Утром араб не нашел ни свежих калачей, ни риса, ни водки. Слону пришлось довольствоваться овсом и зелеными березовыми ветками. А через неделю прожорливого гиганта выгнали из царских конюшен, и начались его скитания по России, охваченной войной.

Восемь лет лишений и страданий превратили белоснежного красавца в тощего горбатого уродца, побирающегося у церквей и богатых домов. Араб был счастлив, когда удавалось раздобыть немного репы или брюквы для слона. Зимой они воровали солому с крыш, а летом питались лесными орехами. Несколько месяцев слону пришлось таскать осадные пушки, а однажды он принял участие в кавалерийской атаке. Шведские пули, польская шрапнель, русские копья и казацкие сабли оставили следы на его шкуре. Несколько раз его пытались съесть. Он потерял бивень и оброс серым грубым волосом. Его мучила одышка, а зимой донимал кашель.

Наверное, он так и умер бы где-нибудь под забором... снег, черные будылья бурьяна, вороны... и весной кто-нибудь обнаружил бы кучу огромных костей, череп со сломанным бивнем, обрывки грязной шкуры... все к тому и шло... но он дотянул до лета 1614 года, и судьба его неожиданно оказалась вновь связана с большой политикой...

Летом 1614 года правительственные войска захватили в плен Марину Мнишек, ее сына Ивана и ее любовника атамана Заруцкого. Их имена были символами Смуты, этого ядовитого облака, которое все еще висело над Россией, сулило новые бунты, новые страдания. Память и мысли русских людей были захвачены жуткими видениями, мрачными пророчествами. Имена Марины, Заруцкого и маленького Ивана, которого называли Воренком, были адским паролем, разбойничьим кличем, заклинанием, зовущим демонов смерти...

Марина Мнишек была венчана на царство, поэтому казнить ее, во всяком случае публично, было невозможно, а вот ее любовник и сын были обречены.

Атамана Заруцкого посадили на кол в конце июля 1614 года, вскоре после того, как его в цепях доставили в Москву.

Спустя два с половиной месяца, 13 октября 1614 года, в понедельник, на пустыре за Серпуховской заставой был казнен Воренок, Маринкин сын, мальчик, не достигший четырех лет.

Вот как описывает эту казнь Элиас Геркман, голландский купец и поэт, опиравшийся на свидетельства очевидцев:

«Многие люди, заслуживающие доверия, видели, как несли этого ребенка с непокрытой головой [на место казни]. Так как в это время была метель и снег бил мальчику по лицу, то он несколько раз спрашивал плачущим голосом: “Куда вы несете меня?” Эти слова напоминают слова, которые поэт Эврипид заставляет произнести своего Астианакса: “Мать, сжался надо мною!” Но люди, несшие ребенка, не сделавшего никому вреда, успокаивали его словами, доколе не принесли его (как овечку на заклание) на то место, где стояла виселица, на которой и повесили несчастного мальчика, как вора, на толстой веревке, сплетенной из мочал. Так как ребенок был мал и легок, то этою веревкою по причине ее толщины нельзя было хорошенько затянуть узел, и полуживого ребенка оставили умирать на виселице. В этом случае действия русских можно всего лучше сравнить с действиями греческого флота после падения Трои, ибо

то зло, которое греки терпели от сына Гектора, русские терпели от сына Димитрия, опасаясь, чтобы он не достиг зрелых лет. Доказательством этого могут служить стихи Эврипида, которые произносит Улисс по поводу тоски Андромахи, при похищении ребенка Астианакса:

*Во мне возбуждает тоску страдание матери,
но еще более во мне возбуждают тоску страдания
матерей гречанок, на несчастье которых он бы вырос».*

Однако все было не совсем так, как пишет Элиас Геркман.

Князь Репнин, который по долгу службы присутствовал на казни, рассказывал, что все произошло быстро, и народ на площади безмолвствовал: «Воренок заслуживал *сострадания*, но не *снисхождения*».

Что же касается душераздирающей сцены с полуживым ребенком, которого «оставили умирать на виселице», то голландский поэт проявил чрезмерную доверчивость, приняв слова потрясенных очевидцев за чистую монету.

На самом деле все было гораздо будничнее и страшнее.

Понимая, что ребенок слишком легок для смерти, палач посадил несчастного Ивашку в мешок с камнями, а уж только после этого надел на его шею петлю. Смерть его была болезненной, но скорой.

Узнав о смерти сына, Марина Мнишек заболела и вскоре умерла.

Возможно, она была убита, хотя вряд ли: она была венчанной, законной царицей, и ни у кого не возникало возражений, когда она ставила на бумагах подпись «Марина всея Руси».

В четверг, 17 октября 1614 года, был казнен палач, повесивший Воренка.

Палач был безмозглым преступником, приговоренным к казни за жестокое убийство двоих детей. Его схватили на месте преступления – он спал, положив голову на живот девятилетней девочки, которую незадолго до того изнасиловал и задушил. Вторая девочка, шести лет, лежала поблизости с перерезанным горлом.

У него был широкий приплюснутый нос, толстые выпяченные губы и маленькие глаза. На допросе он не отпирался, рассказывая об убийстве так, словно речь шла об ужине: взял, насытился, вытер руки. Он убил, потому что убил. Смертная казнь его не пугала. Он непрерывно тер глаза и зевал. Похоже, спать ему хотелось сильнее, чем жить.

Князь Репнин, который руководил допросом, сказал про этого убийцу так: «Слишком легок, чтобы называться человеком». То есть он был существом, лишенным тяжести, которая присуща человеку, крещенному во имя Господа нашего Иисуса Христа. Проще говоря, этот убийца был лишен бессмертной души. Половицы под ним не прогибались и не трескали даже там, где откликались на поступь кошки.

Его бросили в подвал Свибловой башни. В этом месте между зубцами кремлевской стены торчали толстые бревна – на них обычно висели два-три разбойника, которых вскоре после казни сбрасывали к подножию башни на страх народу и поживу воронам. А огромные московские вороны злы и прожорливы – уже к вечеру они оставляли на месте казни одни грязные кости.

Но этот душегуб избежал свибловой виселицы. Ему, можно сказать, повезло: московские палачи все как один, даже Ахмет Свиная Голова, славившийся склонностью к труположеству, отказались вешать ребенка. Не помогли ни угрозы, ни посулы.

И тогда палачом предложили стать человеку, которому все равно предстояло отвечать перед Богом и людьми за погубленные детские души.

Вопреки обыкновению, ему не обещали прощения за исполнение палаческих обязанностей, но прямо сказали, что вскоре после этого он будет казнен.

Он поковырял в зубах и согласился, потребовав, однако, в качестве платы кусок говядины.

– Говядины? – с ужасом переспросил дьяк.

– Говядины, – подтвердил урод. – Фунт вперед и фунт после.

На следующий день он недрогнувшей рукой затянул петлю на шее ребенка, посаженного в мешок с камнями, а когда тот забился в предсмертных судорогах, вдруг склонился к его лицу. Люди, стоявшие у эшафота, замерли. Такого никто не ожидал. Обычно на людях даже самые жестокие палачи предпочитают не смотреть жертвам в глаза. Этот же не сводил взгляда с лица мальчика, искаженного смертной мукой, словно хотел получше его запомнить. Запомнить каждую черточку, каждую деталь.

Убедившись в смерти Воренка, палач передал мешок с его телом приставам.

Через два дня, в четверг, бритоголовый гигант Ахмет Свиная Голова вошел в камеру, где содержался палач, и размозжил ему голову ударом кузнечного молота. Труп безумца бросили у подножия Свибловой башни, и не прошло и часа, как московские вороны раздели тело до костей.

А в субботу, 19 октября 1614 года, был подвергнут казни слон.

Слон вошел в загон, построенный специально для него, и замер, уткнувшись в стену. Загон был узким, тесным – не повернуться. Ворота за слоном закрыли и заложили тяжелыми дубовыми запорами.

Стрельцы подтащили к загону лестницы и вскарабкались на стены.

Снегопад усиливался, и при мятущемся свете нескольких фонарей и факелов нельзя было понять, что происходит на пустыре. Стрельцы наверху энергично двигались, взмахивая руками, но из-за бревенчатых стен не доносилось ни звука – ни всхлипа, ни хрипа.

– А вдруг он сейчас затрубит? – проговорил кто-то в толпе купцов.

Но ему никто не ответил.

Стрельцы били слона копьями и алебардами, пытаясь достать до сердца. Слон вздрагивал при каждом ударе так, что сотрясались бревенчатые стены загона. В темном тесном закуте, под снегом, продрогший и обессиленный от болезней, покрытый язвами и струпами, полуослепший и полуглухой, он был легкой добычей, но прошло не меньше двух часов, пока наконец одному из стрельцов удалось пробить слоновье измученное сердце. Слон упал на колени, уткнулся бивнем в землю и обмяк.

Снег вокруг загона стал быстро темнеть, и иностранцы бросились к Серпуховским воротам, за которыми их ждали кучера с санями и возками, а кровь шла за ними по пятам, стремительно черня снег, пока не добралась до городской стены...

До самого утра мясники разделяли слоновью тушу, чтобы продать ее по кускам в тюрьмы, на псарни и в зверинцы, а араб потерянно бродил между людьми и тихонько выл, и выл, и выл, пока кто-то не увел его в лавку, чтобы напоить допьяна, до забвенья.

Казнь слона была событием скорее поэтическим, нежели политическим, скорее необходимым, чем неизбежным, но без таких событий, которые часто кажутся бессмысленными, книга истории была бы если и не лживой, то неполной.

Казнью ребенка, казнью безумца и казнью слона, как тогда казалось, и завершилась Смута...

**Врата первые,
из которых появляются вампиры, злокозненная
форма жизни, суровые шотландцы, трезвые
стрельцы, царские доктора, ядовитые коты,
загадочная девушка, милая попка и шифрограммы**

**Матвей Звонарев,
тайный агент, записал в своих *Commentarii ultima homini*¹:**

Человек пишущий вызывает подозрение и страх, особенно если он пишет не по приказу свыше, а по собственному желанию и разумению. Писателю не под силу добавить что-либо к Священному Писанию, которое содержит в себе альфу и омегу истории – всё, что следует знать человеку о Боге и людях, а вот вызвать демонов – по неосторожности, небрежности или по злему умыслу – он может вполне: ошибка в Имени калечит судьбы и отворяет источники зла. Это-то и пугает малых сих – людей обыкновенных, неученых, которые в каждом слове пытаются расслышать Слово.

Я понимал, чем рискую, когда однажды утром открыл эту тетрадь, сшитую из листов лучшей испанской бумаги, и приступил к труду, который не нужен ни Господу, знающему всё, ни людям, не желающим знать ничего. В те мгновения я пережил приступ отчаяния, и сердце мое наполнилось черной желчью одиночества. Что ж, я знал, на что шел. Но болезненное, почти невыносимое чувство неполноты жизни, острое нежелание и впредь оставаться безъязыкой тенью истории, разрушительное стремление к истине толкали меня к продолжению моего труда. И, как ни странно, именно обреченность этого труда пьянит и придает сил, заставляя двигаться к цели, собирая из осколков целое, исцеляя и исцеляясь.

* * *

**Суздаль – Крепости:
шифр «решетка от Марка»**

Инокиня Ольга умерла.

* * *

**Крепость – Суздалю:
шифр «решетка от Марка»**

Держите тело на льду до особых указаний.

* * *

**Алексей Перелешин,
галицкий губной староста, Ефиму Злобину, дьяку Патриаршего приказа, главному
следователю по преступлениям против крови и веры, докладывает:**

¹ Записки последнего человека (лат.).

За последнюю неделю в городе Галиче и окрестных лесах найдены 14 трупов детей, из которых высосана вся кровь.

Допрошены все зарегистрированные галицкие ведьмы и колдуны, но они как один поклялись на Святом Евангелии, что к этим преступлениям непричастны, после чего были отпущены под подписку о смирении.

* * *

Ангус Крепкий Щит Маккензи,
начальник шотландской дворцовой стражи, князю Афанасию Лобанову-Ростовскому, боярину, судье Стрелецкого приказа, доносит следующее:

Вчера, 3 сентября 7131 года от сотворения мира – 13 сентября 1622 года от Рождества Христова, – в царский дворец пыталось проникнуть некое существо, которое было остановлено на Постельном крыльце и убито до смерти бдительными, верными и безжалостными шотландцами из ближней стражи Его Величества Государя Московского и всея Руси.

Попытка опознания этого существа оказалась бесплодной. Оно похоже на крупную черную свинью с волчьими зубами, человеческими руками и козлиными ногами.

По моему приказу труп был завернут в рогожу и помещен в яму со льдом у Свибловой башни. У ямы выставлен усиленный караул из шотландских стрелков и стрельцов.

Копия – боярину Федору Шереметеву.

* * *

Анисим Громыкин,
сотник, начальник стрелецкого караула у Никольской башни, князю Афанасию Лобанову-Ростовскому, судье Стрелецкого приказа, доносит следующее:

Эта злокозненная тварь проникла в Кремль невидимой. Это происки дьявола. Караульные были трезвы. О чем готов свидетельствовать перед дыбой, царем и Богом.

* * *

Князь Афанасий Лобанов-Ростовский,
боярин, судья Стрелецкого приказа, Великому Государю и Царю всея Руси Михаилу Федоровичу и Великому Государю и Патриарху всея Руси Филарету Никитичу доносит следующее:

Гриф «Слово и дело Государево»

Вчера, 3 сентября 131 года, за полчаса до полуночи в государев дворец через Постельное крыльцо пытался проникнуть некий враг, который был остановлен и убит стражей.

Труп врага осмотрен комиссией в составе князя Афанасия Лобанова-Ростовского, дьяка Патриаршего приказа Ефима Злобина, дьяков Стрелецкого приказа Анпилова и Мерцалова, государевых докторов Валентина Бильса и Артемия Дия, а также лекаря Арнольда Кнопфа.

При вскрытии хирург Арнольд Кнопф не обнаружил в этом существе ни сердца, ни иного вместилища бессмертной души, каковое бывает даже у котов и медведей.

Государевы доктор Валентин Бильс и Артемий Дий утверждают, что подобия этого явления нет ни у Аристотеля, ни у Плиния, ни у Фомы Контипратанского, ни у Конрада Геснера, ни у Улисса Альдрованда, ни в многочисленных *Bestiarium vocabularum*.

По зрелом размышлении и рассуждении мы пришли к согласию в том, что перед нами – *злокозненная форма жизни*, не имеющая ничего общего ни с человеческой, ни с животной природой.

Следовательно, эта бестия есть порождение самого зла, угодное лишь врагам трона и веры, а дело подлежит рассмотрению как покушение на жизнь Великих Государей.

* * *

Виссарион,
личный секретарь Великого Государя и Патриарха Московского и всея Руси Филарета, записал в рабочем дневнике:

Сегодня Великому Государю Филарету доложено:

О попытке проникновения некоей злокозненной бестии в государев дворец;
О доносе агента Швивого, готового свидетельствовать в суде, что князь Иван Хворостинин тайно и многократно дрочил репіс на икону Пресвятой Богородицы;
О посылке в Тобольск книг, напечатанных в царской типографии, с требованием оплатить веревочки, которыми те книги перевязаны;
О женском истукане дворянина Истомина;
О пожаре в Егуповской улице;
О делах в Галиче Мерьском, кровопийстве и князе Шутовском;
О польских делах;
О шведских делах;
О турецком султане Мустафе;
О состоянии здоровья тайного агента Матвея Звонарева, убитого до полусмерти после поездки в Суздаль по известному делу;
О кончине окольного Никиты Годунова-Асанова;
Об одноногом ангеле и мартышке.
Великий Государь и Патриарх решил и приказал:

Тайно поднять по тревоге полк черных стрельцов, а кремлевских пушкарей перевести на круглосуточное дежурство;

Стрельцов, стороживших ночью у Никольской башни и проспавших врага, наказать, но без страсти;

Шотландских стрелков с разумной щедростью наградить серебром, изъятым у князя Ивана Хворостинина;

Князя Хворостинина арестовать без огласки, объявить ему Государеву опалу и поместить в Чудов монастырь под присмотр игумена;

Женский истукан взять под стражу;

Удвоить караул у домов Матвея Звонарева и Конрада Бистрома в Толмачах;

Ангелу оставаться с одной ногой, мартышку удалить.

Кроме того, Великий Государь и Патриарх потребовал доставить ему книги, касающиеся шифровального дела, а именно «Полиграфию» Третьемира, «Шифр сеньора Беллазо», «О тайной переписке» Джованни де ла Порты и «Трактат о шифрах» де Виженера.

* * *

Окольный Иван Грамотин,

думный дьяк, глава Посольского приказа, агентам в Варшаве, Кракове и Гнезно:

шифр «решетка от Матфея»

Гриф «Слово и дело Государево»

Что известно о новом Лжедмитрии?

* * *

Птенец

Гнезду сообщает:

Голубка умерла. Обстоятельства смерти выясняем.

Русские говорят, что она завещала похоронить ее рядом с отцом в Троицкой лавре.

Пытаемся также установить, правда ли, что у нее был сын, и какова его судьба.

* * *

Виссарион

дорогому другу Осленочку написал:

Вчера кто-то пытался проникнуть в государев дворец. Это был не человек, но и не животное, а некое чудовище. Оно было убито. Это событие встревожило и Отца, и Сына. Гарнизон крепости усилен, по тревоге подняты войска, секретные службы действуют в режиме «Слова и дела Государева».

Наш милый Хвостик по своему легкомыслию влип в глупую историю: наверху стало известно, что он мастурбирует на образ Богородицы и произносит имя государя, будучи голым.

Отец, как ты знаешь, полагает себя воинствующим *Христофором* – крестоносцем, атлетом Иисусовым, подвижником Господа ради – и заставляет перекрещивать не только католиков и протестантов, но даже православных выходцев из Польши и Великого княжества Литовского, которых он считает зараженными латинской ересью. Он сражается за чистоту веры, поскольку только она обеспечивает единство нации и государства, столь важные для России, которая с огромным трудом преодолевает хаос Смуты. Он объявил войну пьянству, разврату и язычеству, возродил книгопечатание, развернул строительство новых храмов и школ, занялся сочинением наставлений для священнослужителей и редактированием богослужебных книг. Подогреваемый *монашески-развращенным воображением*, всю чудовищную совокупную мощь государства, Церкви и общества он обрушил на чужебие, подрывающее целостность русского духа.

Это общеизвестно, и пишу я все это лишь затем, чтобы было понятно, что в таких условиях поступки Хвостика, его любовь к иностранным книгам и картинам, его вольные толкования Священного Писания, его животное пьянство и его склонность к пухленьким putti могут

быть расценены как покушение на веру, и тогда князюшке несдобровать. Ему наверняка припомнят все прошлые грехи, прежде всего – любовную связь с Самозванцем.

Нам остается молиться, чтобы неуравновешенный Хвостик не выдал своих друзей.

Итак, дорогой Осленочек, ты должен принять как неизбежное отказ от поездок в веселое село Ваганьково, от встреч в доме Птички Божией и других местах, а возможно, и от переписки, которая может быть перехвачена шпионами Отца или сыщиками Сына.

Надеюсь, ты с пониманием примешь мое нежелание лишиться доверия Отца, которым я дорожу не меньше, чем твоей милой попкой.

Αντίο, αγαπητέ φίλε², и пусть вынужденное расставание послужит укреплению нашей любви.

* * *

Конрад Бистром,
доктор, Великому Государю и Патриарху всея Руси Филарету Никитичу сообщает следующее:

Ваше Святейшество, спешу довести до вашего сведения, что Всадник пошел на поправку и вскоре предстанет перед вами. Он уже самостоятельно передвигается по дому. Благодаря помету аиста, положенному на темя, к пострадавшему вернулась память. Однако правый его кулак так и не разжался.

Позвольте поблагодарить вас за двойную охрану наших домов, бочонок мальвазии и шелковый отрез.

* * *

Окольный Степан Проестев,
глава Земского приказа, Великому Государю и Царю всея Руси Михаилу Федоровичу, Великому Государю и Патриарху всея Руси Филарету Никитичу сообщает следующее:

Из скудельницы Варсонофьевского монастыря на Большой Лубянке, где в яме на льду дожидаются захоронения трупы самоубийц, пьяниц, утопленников, некрещеных детей и ведьм, пропали семь тел.

Отец Михаил, монах, присматривающий за скудельницей, поклялся на Святом Евангелии, что эти тела были оживлены неким колдуном – коротышкой в немецкой шляпе, после чего покинули яму на своих ногах и скрылись. Колдун тоже исчез неведомо каким образом.

* * *

Максим Старостин-Злоба,
сын боярский, губной староста, Степану Проестеву, окольному, главе Земского приказа, доносит следующее:

Вчера на пожаре в Егуповской улице был обнаружен труп отца Михаила, монаха, присматривавшего за скудельницей Варсонофьевского монастыря. Тело расчленено, язык вырезан, глаза выжжены. Делом занимается губной сыщик Охота Иванов.

² До свидания, дорогой друг (греч.).

* * *

Матвей Звонарев,

тайный агент, записал в своих Commentarii ultima hominis:

Русские и поляки бьют от всей души, французы и итальянцы – от всего сердца, немцы и шведы – изо всей силы, и только мертвые бьют наверняка.

Меня били мертвые.

Я сражался с флорентийскими брави, богемскими колдунами и псоглавыми убийцами в Карпатах. В Лондоне мне пришлось с мешком золота в руках пересечь Темзу по дну, чтобы спастись от безжалостных киллеров герцога Норфолкского. В Праге я едва уцелел в схватке с глиняным монстром, в Саксонии меня пытались затоптать свиньи-людоеды, а оспина на моей левой щеке – это след ядовитой слюны каркассонской ведьмы. В Кенигсберге я голыми руками задушил женщину-змею, которая пыталась сожрать мои testiculus, в Кракове в меня стреляли на ночной улице – пулю остановил нательный крест, а в битве на Девичьем поле я чудом выжил, когда меч венгерского наемника пробил мою грудь в дюйме от сердца...

Я должен был умереть тридцать четыре раза, но тридцать четыре раза избегал смерти.

Яд и нож, меч и стрела, пуля и черная магия оставили на моем теле неизгладимые следы, научив полагаться только на Бога и радоваться рассветам больше, чем закатам.

Я не жалею: давным-давно я сделал выбор в пользу судьбы, оставив другим беспокойство о душе.

Но мне никогда не доводилось сталкиваться с призраками.

Они напали, когда я спрыгнул с коня у ворот своего дома в Толмачах.

Пять теней, едва различимых во тьме.

Я всегда готов к отпору, но этих не брали ни сталь, ни свинец. Выстрел из пистолета в голову не остановил первого противника, а мой кинжал не встретил сопротивления, когда я попытался вонзить его в грудь второго. Больше я ничего не видел и не слышал – меня оглушили ударом по затылку.

Очнувшись, я увидел над собой лицо моего друга Конрада Бистрома.

– Давно? – спросил я, трогая языком обломки зубов.

– Разожми кулак, – сказал Конрад.

Я попытался разжать кулак, но безрезультатно.

– Давно я здесь?

– Нет, но смерть отступила...

Он рассказал, что произошло той ночью у ворот моего дома, и я в который раз возблагодарил Бога за удачный выбор соседа.

Заслышав шум, Конрад поднялся на стену, окружавшую его дом, и увидел, как разбойники пытаются добить лежавшего на земле человека. Узнав моего коня, Конрад выстрелил в него дробью из мушкета, убив одного и задев дробью еще парочку, а потом открыл ворота и вместе с вооруженными слугами бросился мне на помощь. Разбойники тотчас скрылись, прихватив убитого и раненых.

Меня внесли в дом, где Конрад, осмотрев меня, обнаружил множество ушибов, колотых и резаных ран, из которых, впрочем, ни одна не была смертельно опасной. Больше всего его беспокоила шишка на моем темени.

Три дня я был без сознания, и все это время Конрад и его ученик ухаживали за мной, поили целебными отварами и молились.

Мне повезло в тридцать пятый раз.

– Я должен быть в Кремле, – сказал я. – Меня ждут.

– Ты еще слишком слаб, – сказал Конрад. – И у тебя выбиты все передние зубы. Я с трудом понимаю, что ты говоришь. Но мой ученик попытается тебе помочь...

– Сколько это займет времени?

– Неделю. Может, чуть больше. Смирись.

Он поднес к моему лицу зеркало, и я смирился: с такой физиономией меня не то что в Кремль – в распоследний ваганьковский притон не пустили бы.

Заплывшие глаза не позволяли хорошенько разглядеть ученика, но пальцы у него были мягкими и тонкими, как у девушки.

Ученик удалил выбитые зубы, напоив меня предварительно горячим голландским ромом, а когда раны поджили, заставил прикусить шмат вязкой глины, после чего занялся изготовлением моих новых зубов.

После нескольких примерок у меня во рту оказались две скобы, выкованные из дамасской стали и закрепленные на коренных зубах петлями, а вместо выбитых резцов, клыков и левого премоляра я получил стальные же, припаянные к скобам и покрытые чем-то вроде фарфора.

Не потребовалось много времени, чтобы понять, почему ближе к вечеру ученик покидал мужскую половину дома, и, когда новые зубы заняли свое место, я без обиняков спросил у Конрада, как зовут девушку, прикидывающуюся мальчиком, и давно ли она у него.

Старик не стал отпираться и врать – вздохнул и принялся рассказывать.

Глубокой осенью 1605 года в ворота его дома постучали. Привратник открыл сторожевое окошко и увидел корзину с младенцем, стоявшую в луже. Девочке было всего несколько дней от роду, и ее сразу передали кормилице.

В корзине нашли мешок с деньгами и письмо, в котором содержалась слезная мольба о помощи. Пеленки тончайшего полотна, кружевной детский чепчик, двести флоринов и дорогая бумага, на которой по-русски и по-немецки было написано письмо, свидетельствовали о том, что родители девочки принадлежали к высшему сословию...

– Двести флоринов! – воскликнул я. – Польских?

– Настоящих *florenus rubeus*. Дела мои тогда шли неважно, и я не смог устоять перед таким соблазном, как ни боялся вляпаться в политику... но обошлось...

Я с сомнением покачал головой, но промолчал.

– Двести флоринов, Матвей... – Конрад смущенно улыбнулся. – При крещении ее называли Ульяной, Иулианией, но я называю ее Ютой...

Ютой звали его жену, погибшую от рук ночных разбойников во времена Годунова.

– Она оказалась очень смышленной, – продолжал старик. – Рано научилась читать, со временем стала помогать мне... сам знаешь, каково в Москве приходится врачам, да еще иноземцам, а если узнают, что под моим руководством лечением занимается женщина...

Я кивнул.

– Ее, конечно, не сожгут как ведьму, но практики ты лишишься, и это в лучшем случае... – После паузы я спросил: – И никаких известий от родителей девочки ты больше не получал?

– В тот день, когда на тебя напали, я получил мешок с двумя сотнями дукатов...

– Щедро... Она знает о деньгах?

– Я рассказал ей все, что знал.

– Значит, шестнадцать лет ты прятал ее на женской половине, и никто не догадывался, что твой ученик – девушка... и что дальше?

У Конрада Бистрома было немало заслуг перед высокородными семьями, поэтому московские ревнители благочестия смотрели сквозь пальцы на то, что доктор время от времени

пересекал границу между мужским и женским мирами. Но не могло быть и речи о том, чтобы Москва по примеру Лондона и Салерно признала за женщиной право заниматься врачеванием.

Конрад глубоко вздохнул.

– Ну хорошо, оставим это, – сказал я. – Позволяют ли Юте правила твоей *conspiratio* разделить с нами вечернюю трапезу?

Анна, его верная домоправительница, много лет делившая с ним кров и ложе, иногда присутствовала на наших редких вечерних посиделках и даже пила вино, так что у старика не было веских причин для отказа.

Тем вечером ученик преобразился до неузнаваемости.

В светлом атласном платье с целомудренным вырезом, в корсете, очерчивающем тонкую талию, и золотом наволоснике, украшенном мелким жемчугом, Юта утратила всякое сходство с мальчиком, который ходил в бесформенном балахоне, широких штанах и прятал лицо под капюшоном.

Я так засмотрелся на девушку, что чуть не сел на кота, который занял мое кресло.

– Господин кот, – сказал я, – пошел вон!

– Не любите котов? – с улыбкой спросила Юта.

– В «Книге тонкостей различных естественных творений» святая Хильдегарда Бингенская утверждает: «Кот скорее холоден, чем горяч, и притягивает к себе дурные жидкости, и к воздушным духам не враждебен, как и они к нему, а также имеет некую естественную связь с жабой и змеей. В летние месяцы, когда жарко, кот остается сухим и холодным, но испытывает жажду и лижет жаб или змей, поскольку их соками он восстанавливает свои соки и освежается, иначе же жить не сможет и погибнет: так и человек использует соль, чтобы было вкусней. И от сока, который кот от них принимает, он внутри становится ядовитым, так что ядовиты у него и мозг, и все тело». – Я поклонился. – Мне больше по нраву собаки...

– Что ж, – сказал Конрад, – настал час испытать твои новые зубы, дорогой Матвей.

Испытание прошло успешно: дамасская сталь легко справилась с куском тушеной говядины.

– А нельзя ли у вас попросить новые ноги и руки? – обратился я к Юте шутливым тоном. – Да и новые глаза не помешали бы...

– Выбиты зубы, все тело в шрамах... – Юта покачала головой. – Неужели о такой участи вы мечтали в детстве?

Боже, о чем она говорила? Какой смысл вкладывала в слово «мечта»? Сновидение? Надежда? Несбыточное желание чего-то большего, чем предлагает жизнь, которая стоит на железном основании, описанном поговоркой «всяк сверчок знай свой шесток»? Все мы в России, пережившей неисчислимые ужасы Смуты, слишком хорошо знали, что бывает, когда человек по своей воле преступает границы божеские и человеческие, покушаясь на сложившиеся формы жизни и ломая законы большинства. Крестьянин не может стать князем, как щука не может стать осетром. Бог наверху, царь на земле, стыд – повсюду, таков закон жизни, и не нам его нарушать... и нет ничего страшнее, когда человек, кем бы он ни был, теряет свое место во Вселенной, перестает понимать и знать свое место...

Впрочем, моя растерянность была вызвана скорее неготовностью к такому разговору, нежели угрозой, таившейся в невинном вопросе Юты.

Мой ответ был уклончивым:

– Наша жизнь утверждает не правоту добра – скорее жестокую неизбежность божественного возмездия...

– Вчера, – сказал Конрад, разливая вино по чашам, – мы побывали на Болоте, где казнили разбойников, а у Юты сильно развито *imaginatio*...

– Воображение, – подсказал я. – Уместно вспомнить, что в латинском языке *somnium* – не только мечта, но и игра воображения...

– Это ужасно, – сказала Юта. – Отнимать жизнь, дарованную Господом... да еще на глазах у толпы...

Мы с Конрадом переглянулись.

– Взгляните на это с другой стороны, – сказал я, стараясь придать своему голосу мягкость. – Мне кажется, вы должны знать, что такое театр, спектакль...

Юта кивнула.

– Так вот, – продолжал я, – смертная казнь – это спектакль, в котором нам, по счастью, отведена роль зрителей. Нас много, мы волнуемся, наблюдая за палачом, который готовится выйти на сцену, мы с ужасом, презрением и жалостью взираем на злодея, которого ведут к эшафоту, и иногда отпускаем глупые шуточки, чтобы скрыть свои чувства, мы сопереживаем ему, хотим мы того или нет, наконец мы замираем в ожидании того мига, когда топор палача оборвет жизнь осужденного – жизнь, наполненную грехами... а поскольку всякий человек – это список смертных грехов, мы на мгновение оказываемся – пусть в воображении, пусть невольно – на месте осужденного... и когда голова злодея падает на помост эшафота, у нас вырывается вздох облегчения, словно мы освобождаемся от переполняющего нас зла... в это мгновение мы переживаем *безвредную радость*, как называл это Аристотель, катарсис, то есть возвышение, очищение, оздоровление – пусть кратковременное, но остающееся в нашей памяти навсегда и, может быть, меняющее нас к лучшему... поэтому такие спектакли, на мой взгляд, – настоящая школа сострадания и смирения, напоминающая нам о том, что восхождение на эшафот – это восхождение на Голгофу, и всякий погибающий на Голгофе есть образ Христа, величайшего из мечтателей... кстати, Франс де Вааль как-то заметил, что пытка тоже требует эмпатии – ведь нельзя намеренно причинять боль, если не понимаешь, что больно, а что нет...

Юта смотрела на меня с изумлением.

– Не знаю, чему больше удивляться, – наконец проговорила она, – вашему остроумию или вашей ловкости...

– Ну а я хотел бы выпить за ваше искусство, которое только что позволило мне проявить остроумие и находчивость, не путаясь в шипящих и сонорных!

Чуть помедлив, Юта подняла чашу и сдержанно улыбнулась.

Когда мы поднялись из-за стола, чтобы отправиться в спальни, Конрад спросил:

– Что же было зажато в твоём правом кулаке?

– Ничего, друг мой; пустота, – ответил я. – Это была судорога, только и всего...

Той ночью я долго не мог заснуть.

Я думал о Юте, о ее занятиях наукой, таких далеких от животного начала, которое преобладает в женщинах, о ее широких бедрах и высокой груди... яснолобая, большеберотая, с яркими глазами и сросшимися на переносье бровями, она не была красавицей, но ее образ не давал мне покоя...

Что же касается ее вопроса...

Я был доволен своей судьбой и своим домом.

Хотя православным запрещено нанимать иностранцев на работу, для меня по милости государя было сделано негласное исключение. Хозяйством моим ведали свирепый швед Олаф и его жена – полька Янина, лошадьми – турок Абрам, кухней командовала костлявая Марта, уроженка Богемии.

Соседка, вдова капитана артиллерии Ле Гоффа, всегда была рада услужить, сдавая за умеренную плату в аренду своих дочерей – толстушку Жужу, худышку Лулу и веселую малышку Коко, искусницу и затейницу.

В погребах у меня хранилось доброе венгерское и рейнское, вдоволь меда и соли в кадушках. Мои пекарни, бани, конюшни, хлева, пивоварни и прочие службы доставляли все необходимое для бестревожной жизни. Дом был обнесен четырехметровой стеной, построенной из дубовых бревен в два обхвата, и охранялся молосскими собаками, такими же кровожадными

и безжалостными, как боевые псы царя Ашшурбанапала. В моих кладовых было достаточно пороха и свинца, чтобы выдержать длительную осаду.

Соседи мои – преимущественно драгомань Посольского приказа, умеющие держать язык за зубами. Кроме того, из верных источников мне было известно, что многие из них тайно пили табак, следовательно, были беззащитны перед доносом...

Мне никогда не приходилось выбирать между гнездом и муравейником – с самого начала я был обречен на одиночество, которое заменяло мне счастье.

Чутье подсказывало мне, что Юта способна изменить мою жизнь; но хотел ли я этого?

Мечта, сказала она, забавно наморщив лоб...

Конечно же, у меня была мечта, но как рассказать о ней девочке, жизненный опыт которой почерпнут из книг?

Мне было лет девять или десять, когда я впервые увидел царского гонца, который доставил отцу письмо из Москвы, и с той поры я много думал об этих людях, исполнявших высшую волю, как ангелы – волю Господа.

В черном кафтане и черных штанах, подшитых кожей, в сапогах со шпорами, на которых запеклась конская кровь, с тяжелой саблей на поясе и двумя пистолетами в седельных сумках, поднятый по тревоге, гонец быстро седлал коня и, перекрестившись, с криком «Пади!» мчался к воротам. Днем и ночью он скакал по пыльным шляхам, в жару, по бескрайней степи, скрытый с головой в высокой траве, или по опасным лесным дорогам, между чудовищными дубами и черными елями, пробирался через глубокие сугробы, по пояс в снегу, с медным обмерзшим лицом, со слипшимися от лютой стужи глазами, через топкие низины и смрадные болота, обиталища коварных духов и безжалостных комаров, доводящих человека до безумия, через горы, через буйные реки, через сибирскую тайгу – с упорством, с остервенелым упрямством, надсадно дыша, с рычанием и хрипом, с храпом, уже не обращая внимания на усталость, на пот, разъедающий невымытую кожу, на слитное струнное гудение насекомых, затмевающих небо и сознание, на безжалостно жалящее солнце, врубался в вязкое зеленое мясо леса, чтобы проложить себе путь – через кошмарную путаницу густого подростка, хлещущего тонкими язвящими ветками по обожженному лицу, через вязь толстых корней, через сплошняк высоченных деревьев... на постоялом дворе он наскоро жевал полусырое мясо, махом проглатывал чарку зеленого вина и снова – мчался вперед, вперед, склонившись к гриве коня, верный, надежный, нерассуждающий воин, воплощение великой и неостановимой воли, весь – движение, весь – сила, весь – неукротимое стремление, стальная игла и железная нить, надежно сшивающие невероятную державу государевым словом и именем Божьим...

Могла ли понять это Юта?

Я перекрестился, прогоняя нескромные видения, в которых главную роль играла Юта, перевернулся на живот и заснул.

* * *

Конрад Бистром,
доктор, Великому Государю и Патриарху всея Руси Филарету Никитичу сообщает следующее:

Спешу довести до вашего сведения, что Всадник здоров и готов к встрече.

* * *

Флориан Твардовский,

купец, Великому канцлеру Литовскому, воеводе Виленскому Льву Сапеге доносит следующее:

В Москве ожила тень Лжедмитрия.

* * *

Троица – Москве:

шифр «решетка от Марка»

Инокиня Ольга похоронена рядом с отцом.

**Врата вторые,
из которых появляются коварные придворные,
претендент на московский трон, ожившие мертвецы,
женские кальсоны, сорокалетняя старушка,
императорский пенис и загадочная серебряная монета**

Фита

окольничему Ивану Грамотину, думному дьяку, главе Посольского приказа, доносит следующее:

шифр «решетка от Матфея»

Гриф «Слово и дело Государево»

Из надежных источников стало известно, что в слонимском имении Канцлера Литовского Льва Лиса Сапеги находится ребенок, которого называют «московским царевичем Иоанном», сыном Марины Мнишек и Самозванца, племянником царя Федора Иоанновича и внуком Иоанна IV.

На самом деле этот ребенок – Ян Фаустин Луба, сын Дмитрия Михайловича Лубы, мелкого дворянина из Подляшья, и его жены Марины. Родители его погибли во времена Смуты в Москве, куда они явились в толпе польских авантюристов и бандитов. Некий дворянин Белинский вывез его из Москвы в Польшу, рассказывая друзьям и знакомым, что этот ребенок – сын «русского царя Дмитрия I и Марины Мнишек», и будто бы Марина сама отдала младенца Белинскому «на сохранение».

Белинский предъявил мальчика королю Сигизмунду III и Раде, которые передали его Льву Сапеге, назначив содержание в размере шести тысяч золотых.

На днях Сапега пригласил к «царевичу» учителя – Алексея Филипповича, православного, которому поручено обучать отрока языкам русскому, польскому и латинскому.

Об истинном происхождении ребенка и его возможной роли в политической игре Филиппович ничего не знает и приглашение ко двору Канцлера считает великой победой православия.

Можно с большой долей уверенности предположить, что Лис намерен рано или поздно использовать Фаустина как орудие в борьбе против истинной веры, царя и России.

* * *

Окольничий Иван Грамотин,

думный дьяк, глава Посольского приказа, Фите:

шифр «решетка от Матфея»

Гриф «Слово и дело Государево»

Злоумышленные иностранцы в Москве распускают слухи, будто Великий Государь и Патриарх всея Руси Филарет Никитич во время восьмилетнего пленения в Мариенбургской крепости поднимался в небо на воздушном шаре.

Подтвердите или опровергните эти сведения.

* * *

Филарет,
Великий Государь и Патриарх всея Руси, Великому Государю и Царю всея Руси Михаилу Федоровичу:

Государь, если ты считаешь, что Иван Грамотин все еще полезен трону, то не стану спорить. Тебе виднее, да и не пристало нам ссориться в такое время, которое переживает Россия. Отцовская же любовь подсказывает, что сын поступает так, как лучше и трону, и России, и мне, многогрешному.

И я, конечно же, не забываю о том, что сам рекомендовал его тебе на должность главы Посольского приказа в чине думного дьяка. Его огромный бюрократический опыт, знание тонкостей европейской политики, умение вести переговоры с самыми трудными партнерами – все это, несомненно, служит нам на пользу, заставляя закрывать глаза на биографию Грамотина, который предал всех, кому служил, – Годунова, первого и второго Самозванцев, Шуйского, – и без колебаний предаст нас, если представится случай. В этом он ничуть не лучше Канцлера Льва Ивановича Сапеги, который предал православие, перейдя в лютеранство, которое тоже предал, чтобы стать католиком. Впрочем, Смута породила очень много таких людей с людоедским прагматизмом вместо веры и убеждений.

Слава богу, мы действовали и действуем так, чтобы такие, как он, – а их множество, – хотя бы до поры до времени приносили больше пользы, чем вреда.

Предыдущее же мое письмо к тебе продиктовано, возможно, раздражением, которое трудно сдержать, когда я слышу об интригах этого щеголя с ледяным сердцем. Например, позавчера из перехваченного письма я узнал, что Грамотин собирает сведения о моем пребывании в Мариенбурге. Он поддерживал отношения не только с князем Трубецким и царицей Параскевой, невесткой Грозного, но и с инокиней Ольгой – Ксенией Годуновой, о смерти которой тебе известно. Станный круг общения для высокопоставленного чиновника, призванного отстаивать интересы действующей власти, а не готовить почву на случай смены режима.

Иногда у меня возникает ощущение, что он подбирается к Семье.

Впрочем, не исключено, что подозрения мои напрасны и вызваны старческими немощами и усталостью.

Обнимаю тебя, сердечный друг и сын, моли Бога о нас, грешных, а я неустанно молюсь о тебе.

* * *

Григорий Званцев,
московский дворянин, губной староста, окольного Степану Прюестеву, главе Земского приказа, доносит следующее:

Минувшей ночью в низине на Петровке, на огородах, обнаружен труп литовской бляды по прозвищу Две Дырки, промышлявшей за Ветошными рядами. Тело расчленено, язык вырезан, глаза выжжены. Дело занимается губной сыщик Никита Онуфриев-младший.

* * *

Анисим Громыкин,

сотник, начальник стрелецкого караула у Казенного двора, князю Афанасию Лобанову-Ростовскому, судье Стрелецкого приказа, доносит следующее:

В пятом часу утра на Большую казну напали злоумышленники, которых было более двадцати, вооруженные и в масках, но были отбиты стрельцами. Один из нападавших убит. Когда с него сорвали одежду и маску, он распался, потому что был мертв не менее месяца. Это происки дьявола. Караульные были трезвы. О чем готов свидетельствовать перед дыбой, царем и Богом.

* * *

***Князь Афанасий Лобанов-Ростовский,
боярин, судья Стрелецкого приказа, всем московским губным старостам и городо-
вым стрельцам приказал:***

Немедленно приступить к проверке убогих домов (скудельниц), чтобы установить количество пропавших мертвецов. Особое внимание обратить на трупы колдунов, ведьм и всех, кто лежит лицом вниз.

Удвоить караулы у Казенного, Пушечного и Печатного дворов.

Усилить контроль за кремлевским водопроводом и провизией для государева стола, а также за знахарями, колдунами и ведьмами, зарегистрированными в Москве. Знахарей, колдунов и ведьм без регистрации подвергать аресту и высылке из столицы.

* * *

***Пер Эрикссон,
аптекарь, Большому Брату сообщает следующее:***

Вот сведения о лице, которое вас интересует.

Его дед Джузеппе Дзонарини принадлежал к общине антитринитариев и в молодости был вынужден покинуть Лигурию, спасаясь от инквизиции. Не найдя покоя ни в Швейцарии, ни в Богемии, где власти светские и церковные жестоко преследовали инакомыслящих, Джузеппе в конце концов обосновался в Москве и примкнул к корпорации врачей-иностранцев, пользовавших членов царской семьи. При Иване Грозном Джузеппе Дзонарини, которого русские называли Иосифом Звонаревым, вместе с голландцами и англичанами участвовал в создании первой русской аптеки, находившейся тогда в Кремле, напротив Чудовского монастыря.

Старший сын Джузеппе – Пьетро Дзонарини – был крещен в православие и стал называться Петром Звонаревым.

Он пользовался доверием Ивана Грозного, который разрешал доктору Звонареву не только расспрашивать, но и осматривать своих жен и наложниц, хотя созерцание обнаженного женского тела считается у русских преступлением поистине библейского масштаба.

Отвечая на доверие государя, Петр сначала стал участником его жестоких забав, а затем и любимым палачом царя. Его называли Добрым Человеком: Звонарев лишал людей жизни быстро и безболезненно.

В последние годы жизни Ивана Грозного, когда разум и безумие с переменным успехом боролись за душу царя, Петр Звонарев составлял для него ежедневные гороскопы и надзирал за множеством чародеев и ясновидящих, которые были свезены со всего света в Кремль, чтобы читать государевы страхи и надежды.

Только после смерти грозного царя он оставил темное ремесло и перебрался с семьей в Галич Мерьский, в поместье на речке Монзе. Здесь он и провел остаток жизни, занимаясь вос-

питанием дочерей от первого брака с Барбарой Финч, уроженкой Йоркшира, которая умерла в Москве от сглаза, и детей от второго брака с Анастасией Турицыной, приходившейся двоюродной сестрой Варваре Отрепьевой, жене Богдана и матери Юшки – будущего императора Дмитрия I, Самозванца.

Матвей Звонарев (Матео Дзонарини) – младший сын Петра и Анастасии. Он родился под знаком Меркурия, бога переменчивого, хитрого и лживого. Был послан отцом в Болонью, в университет, но в Италии учился недолго, сменив ее на Сорбонну, которую тоже вскоре покинул.

Службу в Посольском приказе начинал еще при Василии Щелкалове, был переводчиком, курьером, тайным агентом, занимался закупками висмута для типографий и выкупом русских пленных, вербовал по всей Европе врачей, рудознатцев, архитекторов, артиллеристов, литейщиков, офицеров, алхимиков, палачей и ювелиров, сидел в русских, божьих и польских тюрьмах.

Человек ловкий и обходительный, он никогда не забывает друзей и покровителей, которым привозит из Европы подарки – сургуч, коралловые пуговицы, гладкий шведский жемчуг, очки в серебряной оправе, книги, сладкий миндаль, несладкое вино, небольшие часы с будильником и часовым боем, кельнские золотые галуны, душистое мыло, хрустальные зеркала...

Несколько лет назад ему удалось угодить подарком самому государю Михаилу Федоровичу, боявшемуся за здоровье своей царственной матери – великой инокини Марфы (в миру Ксении Шестовой), очень чуткой к московским морозам.

Речь идет о коротких штанах, застегивающихся под коленом, которые во Франции называются culotte, а после того как королева Екатерина Медичи приспособила эти штаны в качестве нижнего белья для женщин, стали называться calzonі.

В благодарность за этот подарок государь оказал великую честь, приказав писать Звонарева с «вичем» – Матвеем Петровичем, а не Матвеем Петровым, как прежде, – а также освободил от дополнительных налогов, любого же его обидчика велел наказывать вдвое строже, чем установлено законом для всех прочих.

Недавно Звонарев подвергся нападению ночных разбойников возле своего дома в Толмачах и, по моим сведениям, умер или находится при смерти.

* * *

Матвей Звонарев,

тайный агент, записал в своих Commentarii ultima hominis:

Возницы на Замоскворецком мосту – меховые шапки, зипуны, полосатые халаты, войлочные шляпы, бритые затылки и рыжие бороды – орали друг на друга и хлестали лошадей, повозки сталкивались и скрипели, верблюды трубили, псы лаяли, пешеходы едва успевали уворачиваться от кнутов и падавших с телег бочек, немецкие пехотинцы пытались прорваться через толпу, лупя в огромные барабаны и хрипло матерясь по-русски, над куполами соборов, над толпой у торговых рядов, кипевшей на Красной площади, поднимались густые дымы, мужчины мочились на кремлевскую стену, окутанные едким желтым паром, в воздухе кружили хлопья сажи и редкие снежинки...

Чуть отодвинув кожаную занавеску, я глубоко вдыхал запахи березового дегтя, яблок и конского навоза, переводя взгляд с кремлевских башен на тлеющие в глубине Зарядья кресты Ивановского монастыря.

Когда-то на этом небольшом промежутке земли началась и завершилась русская Смута. Сюда, на Красную площадь, выволокли нагое тело мертвого Лжедмитрия I, которое бросили на прилавок торговли рыбой, а сверху – тело его любимца Петра Басманова.

Здесь в марте 1611 года бушевало страшное сражение, после которого шведский агент Петр Петрей де Ерлезунда написал: «Таков был страшный и грозный конец знаменитого города Москвы», полагая, что Москва «разорена и разрушена до основания».

А как звонили колокола и плакали от радости тысячи людей, стоявших на коленях, когда Кремль был освобожден от поляков.

И как сжималось мое сердце, когда мне пришлось выносить на руках из возка крохотного сына Марины Мнишек – Ивана, чтобы передать его палачу.

Малыша казнили осенним ненастным вечером за Серпуховской заставой.

Эта казнь была скорее необходимой, чем неизбежной: имя мальчика было дьявольским паролем для всех врагов России.

А через месяц из кельи Ивановского монастыря, где вода стояла до колен, вынесли мать Ивана – Марину Мнишек, глаза которой превратились в лед, черный от слез.

Бедная девочка, игрушка в руках циничных и жестоких политиканов, вышедшая замуж за нелюбимого чужака, а после его смерти без памяти влюбившаяся в другого самозванца – Лжедмитрия II, шкловского еврея, от которого и зачала сына, повешенного впоследствии рядом с кладбищем для самоубийц.

Тогда казалось, что этими символическими смертями Смута наконец-то завершилась...

Я задернул занавеску, откинулся на спинку сиденья и вернулся мыслями к предстоящей встрече с Великим Государем и Патриархом всея Руси Филаретом, который ждал меня в доме на Варварке, с незапамятных времен принадлежащем роду Романовых.

Выбор места был странным: дом пустовал больше двадцати лет, с той самой ночи, когда Годунов обрушил всю свою злобу на семью Романовых, уничтожив многих из них, но думал я не об этом – мне предстояло доложить старшему Государю о поездке в Суздаль, чуть не закончившейся для меня гибелью.

В первых числах сентября стало известно о смерти в суздальском Покровском монастыре инокини Ольги – в миру Ксении Годуновой, и в тот же день меня вызвали в Кремль.

Кир Филарет был краток: мне предстояло немедленно отправиться в Суздаль, чтобы лично удостовериться в смерти дочери Годунова.

В последние месяцы она чувствовала себя плохо, о чем сообщила в письме царю Михаилу, попросив похоронить ее в Троице, рядом с отцом. Душеприказчиком своим она назначила боярина Никиту Вельяминова-Зернова Обинякова.

– Мы должны знать, как умерла царская дочь, – сказал патриарх. – И поторопись, Матвей: иногда факты гниют, как люди.

Филарет что-то недоговаривал. Возможно, патриарх располагал информацией, которая и заставила его в нарушение всех правил задержать похороны инокини Ольги и отправить меня в Суздаль, но делиться своими подозрениями он не стал.

А подозрения, похоже, были весомыми – недаром же мне было велено скакать без задержки, меняя лошадей на ямских станциях не в обычном порядке, а «по слову и делу Государеву».

– А что грек? – спросил я. – *Facit hoc scire?*³

– *Scit sed non intelligere*⁴, – с усмешкой ответил кир Филарет. – Пусть пока так и будет.

Речь шла об архиепископе Суздальском и Тарусском Арсении Элассонском, который прибыл из Греции во времена Годунова, чтобы участвовать в избрании первого патриарха всея Руси Иова, остался в Москве, возлагал шапку Мономаха на Лжедмитрия I и корону на Марину Мнишек, претерпел немалые беды во время Смуты, а в мае 1613-го поставил свою подпись на

³ Он не знает об этом? (лат.).

⁴ Знает, но не понимает (лат.).

грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича. В общем, этот грек был типичным русским интеллигентом нашего времени, который добросовестно заблуждался, раскаялся и стал служить власти верой и правдой.

Если я правильно понял Филарета, у меня не было нужды встречаться с Арсением.

Как и у всякого мужчины, который впервые садится на лошадь в пять лет, мозоли на моих бедрах, от паха до колен, твердостью не уступали булату, но бешеная скачка на протяжении тридцати немецких миль, то есть двухсот русских верст, стала серьезным испытанием для моего организма, который пришел в себя только после кружки перцовки и вареной говядины, поданной кабатчиком на куске хлеба.

Через полчаса я был готов к делу.

Перепуганные монахини и вовсе помертвели, прочитав царскую грамоту, которая давала мне право осмотреть покойную, если потребуется, «в ее телесном естестве».

Выставив у дверей караул, я спустился в погреб, где на плите льда, присыпанной песком, покоилось в открытом гробу тело инокини Ольги, освещенное тусклой свечой.

Повесив фонарь на крюк, вбитый в низкий сводчатый потолок, я склонился над телом.

В простом гробу лежала сморщенная старушка, укрытая до подбородка шитым покрывалом. Она умерла, достигнув почтенного возраста – сорока лет, но выглядела на все сто. В щелке между приоткрытыми губами виднелись волокна пакли, которой ей набили рот, чтобы щеки не казались такими впалыми. Брови, сходящиеся на переносье, поредели и уже не придавали лицу весело-сердитого выражения, которое когда-то сообщало ей такую пикантность. Руки ее были сложены крестом на груди, но, вопреки обычаю, левая лежала поверх правой, сжатой в кулак. Пальцы правой руки были поцарапаны – похоже, монахини пытались разжать кулак, но им это не удалось.

Я помнил ее совсем юной: она была статной, полнотелой, ее пышная красота восхищала русских, но не иностранцев, отмечавших только необыкновенную белизну ее кожи, крошечные ступни и пышные черные волосы, лежавшие крыльями на плечах. Отец дал ей хорошее образование, но все его попытки выдать Ксению замуж потерпели неудачу.

А вскоре после смерти Бориса Годунова царская дочь, неосторожный взгляд на которую когда-то расценивался как государственное преступление, стала одной из множества жертв великой Смуты.

У нее на глазах убили мать и брата, а ее Лжедмитрий сделал своей наложницей.

Многие до сих пор гадают, почему царь-самозванец не расставался с Ксенией почти полгода, ведь обычно его связи с женщинами были очень непродолжительными.

Говорили, например, что Лжедмитрий держал Ксению Годунову при себе, чтобы жениться на ней, если народ не примет в качестве его жены и царицы католичку Марину Мнишек, а попытки подавления бунта провалятся.

Эта политическая версия, безусловно, по-своему убедительна, но мне ближе версии, так сказать, частные, высказанные теми, кто был мне близок.

Скажем, Птичка Божия только фыркнула, когда я рассказал ей о политических планах Самозванца, связанных с Ксенией.

– Страсть, – сказала она, – вот что их связывало – страсть. Девочка умная, с пылким воображением и обильным телом, запертая в золотой клетке, – что она могла знать о своих подлинных желаниях? Самозванец, по приказу которого на ее глазах убили мать и брата, вызывал у нее ужас и страх, но именно он открыл источник темных вод, именно он превратил ее в бесстрашную и алчную самку, и она была с ним счастлива счастьем, которое превыше всякого ума. Но и он не ожидал такого поворота событий. Он стал жертвой своей жертвы. Будь я философом, обязательно сочинила бы книгу о загадках человеческой души, в глубинах которой, как в реторте алхимика, горе и страх непостижимым образом превращаются в любовь...

Другая версия принадлежит Себастьяну Петрициусу, который некоторое время был личным врачом «императора Дмитрия».

Эта версия сводится к особенностям физиологии действующих лиц.

Доктор Петрициус утверждал, что иные детали – леворукость Аристотеля, косолапость Бертрады Лаонской, матери Карла Великого, или низкорослость Тамерлана – хоть кажутся несущественными и остаются на периферии нашего внимания, но имеют важное значение для понимания той или иной личности.

В случае «императора Дмитрия» речь идет о деликатной детали – размерах мужского пениса.

Как известно, ассирийский полководец Олоферн заплатил жизнью за свой непомерный член, доверив его Юдифи, тогда как Одиссей только благодаря своему гигантскому пенису выжил в плену у мужелюбивой Цирцеи. Именно пенис сыграл роковую роль в судьбе царства амазонок. Однако греки считали, что мужское достоинство должно быть гармоничным, среднего размера, слишком же большие члены отвратительны, а потому осыпали насмешками громадные пенисы похабных сатиров и уродливых варваров. Римляне же, напротив, полагали, что величина фаллоса прямо пропорциональна отваге мужчины, хотя и обратно пропорциональна его мудрости. Пенис Юлия Цезаря, как мы знаем, значительно превосходил длину члена Верцингеторикса, и это обстоятельство предопределило судьбу Галлии. Мы знаем, почему жена Роимиталка III, фракийского царя, убила своего мужа, после чего мятежная Фракия окончательно вошла в состав Римской империи и стала процветающей провинцией. История не сохранила имена тех храбрых рыцарей из войска Ричарда Львиное Сердце, которые известным образом пробили брешь в стенах неприступной Акры, а потом, после взятия крепости, отправили султану Саладину пятьдесят пять возов, доверху нагруженных пенисами, отрезанными у сарацин...

Мало кто знает, что длина пениса «императора Дмитрия» составляла двенадцать дюймов, то есть ровно фут (который, по мнению Христофора Клавиуса, математика и иезуита, равен ширине 64-х ячменных зерен).

Непомерный член служил еще одним поводом к тому, чтобы Лжедмитрий считал себя человеком исключительным, не таким, как все.

Возможно, говорил доктор Петрициус, пышная красавица Ксения обладала вагиной, глубина которой превышала известную науке (шесть дюймов), поэтому доставить ей удовольствие мог только один мужчина на свете – Самозванец.

Если согласиться с этой циничной версией, то встреча Самозванца и Ксении Годуновой была чудом, счастливым случаем, удачей.

A fortuna, как известно, brevis.

Счастье их было недолгим: вскоре Лжедмитрий избавился от нее, как того требовал отец Марины Мнишек, и Ксению насильственно постригли в монахини. Она пережила все ужасы Смуты, скитаясь по монастырям, пока не оказалась в этой обители, на плите льда, присыпанной песком, с паклей во рту и скрещенными на груди руками, одна из которых была сжата в кулак.

При помощи кинжала мне удалось разжать ее пальцы и завладеть монетой, которую Ксения сжимала в кулаке.

Монета была хорошо мне известна.

Слишком хорошо я помнил изображение на ее аверсе, но вот надпись на реверсе видел впервые.

Сдвинув покрывало, я увидел на шее Ксении тонкую бледно-розовую полоску, взял ее голову обеими руками и приподнял, легко отделив от тела.

Сомнений не было: инокиня Ольга умерла не своей смертью.

Вернув голову на место и положив правую руку Ксении на левую, я поднялся в комнату, где меня ждали стражники и монахини.

– Кто последним видел ее живой?
– Духовник, – ответила старуха с книгой в руках, которую она держала перед собой, словно защищаясь от дьявола. – Отец Герасим.
– Где он?
Старуха оглянулась на монахинь – они вышли – и уставилась на стрельцов.
Только после того, как я приказал охране удалиться, старуха прошептала:
– Отец Герасим умер...
– Умер?
– В тот день, когда преставилась инокиня Ольга, мы нашли отца Герасима в его келье... – Старуха запнулась. – Он наложил на себя руки...
Я ждал.
– Повесился.
Я по-прежнему молчал.
– Откусил язык, выжег глаза и повесился...
Казалось, еще миг – и она упадет в обморок, но мне некогда было ее жалеть.
– Архиепископ Арсений знает об этом?
– Мне это неизвестно... мы испугались...
– Заприте ворота, – приказал я, – и соберите всех в трапезной.
Она вышла, держась рукой за стену.
Допрос монахинь, однако, оказался почти безрезультатным.
Удалось узнать лишь, что никто из них не видел лица духовника, когда он входил и выходил из кельи инокини Ольги, а тело отца Герасима оказалось покрыто синяками и ссадинами, что ставило под сомнение версию самоубийства.
Архиепископ Арсений не стал бы скрывать эти факты от патриарха.
Но тогда зачем кир Филарет приказал мне мчаться в Суздаль?
Не ради же простой перепроверки фактов...
Зачем-то ему было нужно, чтобы я увидел место преступления своими глазами.
Или он затеял игру, в которой мне предстояло сыграть какую-то роль?
Какую?
Не оставалось ничего другого, как вскочить на коня и отправиться в Москву.

* * *

Михаил Жолобов,
московский дворянин, губной староста, окольного Степану Проестеву, главе Земского приказа, доносит следующее:

Вчера в окрестностях Сретенского монастыря, в мокрых местах, были обнаружены мертвые тела трех детей женского пола и отрока мужского пола. Как утверждает губной сыщик Дмитрий Охлопков, из всех тел перед смертью была высосана кровь.

Копия – Ефиму Злобину, дьяку Патриаршего приказа, главному следователю по преступлениям против крови и веры.

* * *

Арсений Элассонский,

архиепископ Суздальский и Тарусский, записал в своем Нѣроλόγιο⁵:

Смерть несчастной Ксении разбудила память о ее отце – царе Борисе, с которым я был близко знаком и которого до сих пор скорее жалею, чем порицаю.

В лице Годунова русское общество *впервые* столкнулось с правителем, который претендовал на царский трон, не имея на то никаких прав, то есть он был, в сущности, самозванцем, хотя и высокородным самозванцем.

Мстиславский, Шуйский, Романов, Бельский, входившие по завещанию Ивана Грозного в регентский совет при царе Федоре, занимали гораздо более видное положение на иерархической лестнице, чем Борис Годунов. Но благодаря близости к царю, который был женат на сестре Годунова, а также незаурядному уму, сильной воле и развитому чутью (*sagacitas*) ему удалось вывести из игры регентский совет, стать фактическим правителем, а потом и царем всея Руси.

Никогда еще в России не строилось столько городов и крепостей, как при Борисе Годунове. В Москве он построил Белый город с двадцатью девятью башнями и пушками на стенах, которые в 1591 году так напугали крымского хана Казы-Гирея, что его войско не отважилось штурмовать русскую столицу.

Он учредил патриаршество, сделав Русскую православную церковь равной среди древних Церквей. В результате удачной войны со шведами он вернул земли, утраченные во время Ливонской войны. Он добился мира на западе и на юге. Следует признать, что Борису Годунову удалось успокоить умы.

Однако, что бы ни делал Борис, он оставался чужаком – властителем *не по крови*, не природным царем, но выскочкой, пролазой, лжецом – дьяволом, который обманом пробрался на трон.

Что ж, вина его несомненна и велика, но мне хотелось бы заметить, что в убийстве царевича Дмитрия он не повинен. Те, кто утверждает обратное, опираются на слухи, совпадающие с их желаниями; мне же довелось читать «Углицкий столбец» – следственное дело об убийстве сына Грозного.

19 мая в Углич прибыла московская комиссия во главе с князем Шуйским, в которую входили митрополит Геласий, дьяк Елизарий Вылузгин и окольный Андрей Клешнин. Шуйский был одним из самых последовательных и умных врагов Годунова. Окольный Клешнин, которому потом многие приписывали идею убийства царевича, был зятем Григория Нагого, родственника царицы Марии. Глава Поместного приказа Вылузгин со своими подьячими занимался организацией следствия. Владыка Геласий, митрополит Сарский и Подонский, пользовавшийся большим авторитетом, представлял Церковь, которая обязательно участвовала во всех делах, связанных с царской семьей.

Комиссии пришлось расследовать два дела – о смерти царевича и об углицком мятеже. Были допрошены 140 свидетелей, показания которых занесены в протокол. Свидетелей допрашивали в присутствии царицы Марии, чтобы у нее была возможность опротестовать любое ложное показание.

Люди, которые постоянно находились рядом с царевичем, подтвердили, что Дмитрий издавна страдал падучей. Приступы болезни случались часто и длились иногда по несколько дней. Во время приступов мальчик становился сам не свой, никого не узнавал, впадал в ярость, кусался, и случалось, что откусывал пальцы у тех, кто пытался его держать. Последний приступ, начавшийся во вторник, 11 мая, длился почти три дня. Во время этого приступа царевич порезал ножом мать – царицу Марию. В субботу, 15 мая, приступ внезапно возобновился во время игры и завершился смертью царевича.

⁵ Журнал, календарь (*греч.*).

Установлено, что в тот день, в субботу, царевич играл с ножом. Показания свидетелей расходились только в одном: одни утверждали, что Дмитрий порезался при падении, другие говорили, что он наткнулся на нож, когда уже лежал на земле и бился в припадке. Смерть наступила быстро, поскольку лезвие перерезало сразу две важные шейные жилы – *arteria carotis* и *venae jugulares*, то есть сонную артерию и яремную вену. Истекая кровью, царевич продолжал биться в припадке, мешая перепуганным людям, которые пытались ему помочь.

Исследовав все факты, полученные во время допросов и очных ставок, комиссия пришла к выводу о ненасильственной смерти царевича Дмитрия.

Узнав о смерти царевича, царица Мария ударила в набатный колокол, а ее родственник Михаил Нагой призвал угличан к расправе над царским дьяком Битяговским сотоварищи, обвинив их в умышленном убийстве Дмитрия. Жители города взбунтовались, напали на правительственные учреждения и убили царских слуг.

Следствие выяснило, что во время гибели царевича Битяговский находился в другом месте, а Михаил Нагой узнал о происшествии со слов царицы Марии и решил под шумок свалить все на царских слуг, чтобы снять с семьи Нагих вину за то, что те недосмотрели за Дмитрием. Ну и, конечно, он был в отчаянии – смерть Дмитрия положила конец надеждам Нагих на московский трон.

Следствие также установило, что утром 15 мая между Михаилом Нагим и Битяговским произошла очередная ссора из-за денег: Нагие считали свою зависимость от царского дьяка унижительной, а средства на содержание их семьи, которые он выдавал, – ничтожными. Свидетели утверждали, что Битяговский был убит по приказу пьяного Михаила Нагого.

Придя наутро в себя, Михаил испугался содеянного и попытался сфабриковать улики, которые свидетельствовали бы, что Битяговский и его люди – убийцы царевича, а значит, их смерть – лишь возмездие за преступление. В ночь на 19 мая Михаил Нагой приказал своим людям положить несколько ножей и палицу на трупы Битяговских, сброшенные в ров у городской стены. Для большей убедительности палицу и ножи вымазали куриной кровью.

Однако фальсификация была слишком глупой и грубой, а страх перед наказанием – слишком сильным. Сообщники Михаила Нагого (в том числе его брат Григорий) – кто по совести, а кто по глупости – почти тотчас сдали его следствию. А завершила дело вдовствующая царица – Мария Нагая. Она доверилась митрополиту Геласию, открыв всю правду о смерти царевича: именно она первой назвала смерть царевича убийством, именно она, обезумев от горя и злобы, облыжно обвинила в убийстве боярыню-мамку Василису Волохову и ее сына Осипа, именно она призвала жителей Углича к расправе над людьми, представлявшими в Угличе особу царя.

22 мая царевич Дмитрий был похоронен в Угличе, отпевал его митрополит Геласий. По требованию комиссии царевича похоронили в той одежде, которая была на нем, когда он погиб: верхняя рубаха с пояском, белая нижняя рубашка, красные башмаки.

2 июня 1591 года Освященный Собор – *collegium* высших иерархов Русской православной церкви во главе с патриархом Иовом – рассмотрел дело и решил, что смерть царевича Дмитрия была ненасильственной – свершилась «Божьим судом», а взбунтовавшиеся жители Углича, подстрекаемые Марией и Михаилом Нагим, виновны в государственной измене.

Затем дело было передано светским властям, и их действия были скорыми и суровыми. Афанасий Нагой, бывший любимец Ивана IV, пытавшийся поднять мятеж в Ярославле, где находился в ссылке после смерти Грозного, а потом организовавший поджоги в Москве, подстрекатель Михаил Нагой и их родственники были подвергнуты пыткам, лишены имущества и отправлены в ссылку. Марию Нагую насильственно постригли в монахини и выслали на Белозеро. Около 200 мятежников были подвергнуты смертной казни, а 60 семей из Углича сосланы в Пелым. Жестоко был наказан и колокол, в который ударила Мария Нагая, призвавшая угличан к восстанию. Колокол лишили крестного знамения, отрубили ухо, вырвали язык, нанесли

двенадцать ударов плетью и сослали в Сибирь. Целый год ссыльные, подгоняемые стрелецкой стражей, тянули на себе набатный колокол до Тобольска.

Обычно, говоря о событиях такого рода, мы задаем вопрос «Qui prodest?»

Борису Годунову смерть царевича не была выгодна.

Во-первых, царь Федор хоть и часто болел, но о его близкой смерти не было и речи. А царица Ирина еще могла родить наследника. Таким образом, в 1591 году престолонаследие не было актуальной темой.

Во-вторых, если бы даже тогда, в 1591 году, и возникла эта тема, то первыми претендентами на трон стали бы бояре Романовы, а не Годунов. В то время у Годунова были хорошие отношения с Романовыми.

В-третьих, оппозиция будоражила Москву, а кроме того, Россия стояла на пороге войн со Швецией и Крымом. В таких условиях ни Годунову, ни правительству вообще смута была не нужна, а смерть царевича стала бы естественным поводом к народным волнениям.

Но что бы ни говорил Годунов, ему не верили, а точнее, ему *не хотели* верить.

И когда на Россию обрушились невзгоды – ужасающий голод, а потом восстание призраков и война, – Борис превратился в хромую утку, которую не пинал только ленивый. Что бы ему ни приписывали, все принималось на веру: отравление Ивана Грозного и царя Федора, убийство царевича Дмитрия, занятия черной магией и сношения с сатаной...

Я думаю, что Борису Годунову пришлось заплатить по векселям, выданным Иваном IV, точнее, той властью, олицетворением которой был Иван Грозный.

Борис был верным опричником царя, то есть вполне разделял ответственность за все преступления, совершенные кровавыми псами вроде Малюты Скуратова или Генриха фон Штадена. Чтобы преодолеть дурное наследие Ивана IV, нужно быть личностью не только морально неуязвимой, но и такой же громадной, как царь Грозный, тень которого высилась над Борисом подобно гранитной скале, готовой рухнуть в любой миг и всей тяжестью раздавить наследника.

Чем огромнее личность, тем охотнее общество отделяет ее от зла, творимого по ее воле, ее именем и властью. Борис же был человеком, всего-навсего человеком, который и хотел бы искупить вину предшественников и вернуть царскому титулу прежнюю моральную чистоту, но сделать это тихонько, без потрясений и переворотов, сделать так, чтобы не менять основ жизни, чтобы не жертвовать порядком ради идеи, и, когда это не удалось, когда его стали загонять в угол, он ответил самым жалким образом – казнями и опалами.

В конце концов ему пришлось оплатить все эти векселя своей жизнью, жизнями и позором своих родных и близких. Впрочем, на этих векселях была и его подпись...

Жестокость русских самодержцев отвечает замыслу Божию о России, огромность и безудержность которой вызывают к силе, к силе часто безжалостной, но всегда *праведной*, потому что только она способна преодолеть народный хаос и соединить в единое пламя редкие огоньки жизни, тлеющие на гигантских пространствах от Балтийского моря до Тихого океана, от врат ада до границ вечности.

Увы, в непостижимой мудрости Своей Господь дозволил Борису Годунову быть по-царски жестоким, но напрочь отказал в царственной праведности...

**Врата третьи,
из которых появляются умные дураки, царственные
счетоводы, женский каменный истукан,
нерасчиленная грубая глыба, крылатый дьякон,
пророк Даниил и великий чародей Парацельс**

**Флориан Твардовский,
купец, отцу Иерониму написал:**

Вся Москва обсуждает арест князя Ивана Хворостинина, об этом судачат на рынках, в церквях и приказах.

Проповедники с новой силой обрушились на тех, кто сомневается в том, что бессмертие души дороже земных благ, а потому не видит ничего дурного в блуде, пьянстве, богохульстве, чернокнижии, уклонении от бани, бритье бороды, лицедействе, поедании телятины и других формах служения дьяволу.

Создана следственная комиссия, подчиненная непосредственно патриарху Филарету. Все обратили внимание на то, что в комиссию не вошел боярин Федор Шереметев, любимец царя Михаила, отвечающий за безопасность монаршей семьи. Похоже, слухи о том, что Филарет недолюбливает боярина, не лишены оснований.

Комиссия настроена решительно.

Хворостинин – Рюрикович, боярин, а значит, наказание будет показательным.

Всем ясно, что мастурбация на образ Богородицы – чистой воды богохульство, сравнимое только с мастурбацией на образ Государя.

При обыске в доме Хворостинина изъяты сочинения Фауста Социна, Эрнста Зонера, Парразия, Бероальда де Вервиля и других еретиков, а также изображения голых женщин, коллекция деревянных, костяных и мраморных фаллосов, множество писем на латыни и польском, тетрадей с записями непристойного содержания, среди которых обнаружено, например, утверждение о том, что воскресения мертвых не будет.

Князя можно было бы назвать философом и вольнодумцем, не будь он таким бузотером и запойным пьяницей, да к тому же невоздержанным на язык. Впрочем, и убеждения его сильны до первого окрика. Думаю, правы русские, называющие Ивана Хворостинина *умным дураком*. Поддержки в обществе этот шут не имеет.

До вынесения приговора он заключен в Чудов монастырь.

Вряд ли в официальном обвинении упомянут мастурбацию – у князя и без того достаточно провинностей, чтобы отправиться в монастырь на всю жизнь, и хорошо, если обойдется только этим.

* * *

**Князь Иван Хворостинин
в «Листочках для Птички Божией» написал:**

Разница между Россией и Европой – это разница между двумя мирами.

Русский мир – мир замкнутый, лишенный возможностей, мир вне истории, вне времени, мир заверченный.

Европейский – захватывающе бесконечен, разомкнут и потому преисполнен возможностей.

Ключевым здесь является слово «возможности».

Ты, милая, смеешься над моими увлечениями, но именно магия позволяет человеку использовать эти возможности влияния на весь комплекс взаимоотношений личности, мира, истории и Бога.

Маг – это мудрец, умеющий действовать. С этой точки зрения магия предстает, во-первых, действием более рациональным, чем наука, а во-вторых, она становится героическим актом созданной Богом свободной личности, творящей себя, мир, историю и даже самого Господа.

Важным признаком нового человека, рождающегося в Европе, является его власть над собственной природой, и эта власть есть результат того, что человек не имеет собственной природы. Отсутствие же собственной природы, бытие в качестве средоточия полной свободы приводит к тому, что весь мир форм становится настолько подвластным человеку, что он может его превзойти, либо восходя к сверхразумной, божественной сущности, либо нисходя до демонов.

Русский мир лишает человека этой свободы, лишает его выбора. Всеми силами он побуждает меня стремиться лишь к божеству, запрещая черпать мудрость за пределами света. Мы просто помешаны на борьбе с демонами. Подозреваю, это объясняется тем, что русский человек слишком глубоко погружен во тьму, чтобы доверяться ей. Русский человек – демон, пытающийся вырваться из тьмы ценой свободы.

Время правления императора Дмитрия I, события, произошедшие после него, сейчас принято называть Смутой, Окаянными днями, Разором и т. п., и это справедливо, но справедливо лишь отчасти. Мы забываем о возможностях, которые открыла нам Смута.

Тысячи и тысячи погибли, но многие русские люди обрели свободу, чтобы преступить границы царства сложившихся форм, творя историю по своему выбору и разумению. Однако свобода ужаснула и их, заставив вернуться в стойло, в то межеумочное пространство, где они до скончания века будут мучиться между мертвой традицией и убийственной утопией.

В страхе перед открывающимися возможностями они избрали на царство не яркую личность, готовую жертвовать порядком ради идеи, но Михаила и Филарета Романовых, способных лишь спокойно и настойчиво осуществлять консервативную политику ради обеспечения политического и социального гомеостаза.

Мы так и не добились создания легитимной монархии, связанной с подданными договором, но возвели на престол земного бога, которому нужна не вера, а рабское поклонение.

Годунов, Шуйский, цари-самозванцы так и не смогли сблизиться с Польшей, нашим реальным и единственным партнером, способным помочь России в деле естественной модернизации, а значит, рано или поздно нам придется делать это самим на краю пропасти, не считаясь с жертвами.

Впрочем, Сигизмунд III, Сапега, Скарга и иже с ними оказались не лучше русских, поскольку пренебрегли голосом истории, и полностью разделяют с ними ответственность за этот провал.

Вместо магии мы выбрали арифметику, вместо героев – счетоводов.

Россия возвращается в состояние единства, которое спасительно во время войны, но в мирное время вяжет по рукам и ногам свободного человека.

Жертвы истории, мы обречены на новые и новые утраты, будучи не в силах вырваться из замкнутого круга повторений.

Ах, милая Птичка, народ вокруг глупый, темный, поговорить не с кем, страшно...

И почему страх у меня всегда, даже в жару, ассоциируется с холодом?..

* * *

Иван Истомин-Дитя,
дмитровский дворянин, Великим Государям Михаилу Федоровичу и Филарету Никитичу сообщает:

Женский каменный истукан был обнаружен моими крестьянами Евсеем Бедой и Арсением Ригой в овраге, размытом дождями. Никто не знает, как она туда попала. Быть может, фигуру привез из похода на Крым мой дед, а возможно, она сама собой выросла в земле, как растут камни, превращающиеся со временем в горы.

Мне не раз случалось находить в лесу корни, похожие на людей и животных. Почему бы всемогущему мастеру, Творцу всего сущего, не придать форму женщины камню, зародившемуся в овраге близ Сестры?

Впрочем, это лишь домыслы человека, преклоняющегося перед неисчерпаемым воображением Господа, который милостиво позволяет нам славить Его творения даже в тех случаях, когда созданное Им похоже на богопротивных идолов греческих и латинских.

С глубочайшим смирением прошу Великого Государя Михаила Федоровича и Великого Государя и Патриарха Филарета Никитича вернуть мне этот камень и клянусь всем святым, что никто, кроме меня, этого истукана впредь не увидит.

* * *

Виссарион,
личный секретарь Великого Государя и Патриарха всея Руси Филарета, записал в рабочем дневнике:

Великому Государю и Патриарху доложено:

О письме Ивана Истомина-Дитя, дмитровского дворянина.

Великий Государь и Патриарх решил и приказал:

Дворянину Истомину-Дитя внушить смирение.

* * *

Птичка Божия – Плутосу:

Мне становится лучше только в том случае, когда αίμα⁶ настоящая, а в последний раз ваш человек доставил мне свиную, да еще, кажется, порченную. Я не требую деньги назад – я прошу о сострадании и помощи.

* * *

Матвей Звонарев,

⁶ Кровь (греч.).

тайный агент, записал в своих Commentarii ultima hominis:

Как и было приказано, я подъехал к усадьбе Романовых со стороны реки, где у калитки меня ждал Никон Младший, секретарь Патриарха.

Во времена Смуты дом Романовых не раз грабили и поджигали, о чем красноречиво свидетельствовали сгоревшие постройки и вырубленный сад, но в кабинете сохранились книги и почти вся мебель.

Филарет сидел у складного стола лицом к окну и писал, макая перо в серебряную чернильницу – подарок константинопольского патриарха Кирилла.

Заслышав шаги, он отложил перо, повернулся на стуле и снял очки.

– Рассказывай, – приказал он. – Умерла? Убита?

– Убита, государь.

Он выслушал мой рассказ не перебивая.

– Значит, монета, – сказал он, когда я замолчал.

Я положил монету на стол вверх аверсом, на котором были отчеканены портрет императора Дмитрия I и надпись по кругу «Дмитрий Иванович Божьей милостью царь и великий князь всея России и всех татарских королевств и иных многих государств».

Лжедмитрий на этой монете был изображен в королевской мантии, со скипетром в руке, но без короны. Были и другие подобные монеты, на одной из них он был в короне и назван императором. Это был вызов полякам, которые не признавали за ним императорского титула.

Самозванец пенял польским послам: «Королю польскому уже известно, что мы не только князь, не только царь, но также император в своих обширных владениях... Мы не можем довольствоваться титулом княжеским или господарским, ибо не только князи и господари, но и короли состоят под скипетром нашим и нам служат».

Такие монеты, изготовленные по польским формам, были скорее медалями, которые раздавались при коронации Дмитрия и Марины. Те, на которых надписи были сделаны по-латыни, дарили иностранцам, а медали вроде той, что лежала на столе перед патриархом, вручали русским гостям. Мало у кого они сохранились. От них избавлялись не только из-за выбитого на них богопротивного имени, но и просто потому, что золото и серебро не добывались в России и были дорогим товаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.